

— Папаша, папаша, волк козлёнка задрал! — кричали ребята, вбегая в дом.

Сергей Иванович быстро встал из-за стола, надел ватник, прихватил ружьё и вышел вслед за детьми на улицу.

Их домик стоял на самом краю деревни. Прямо за околицей начинался лес. Он тянулся на много десятков километров.

Раньше в этом лесу встречались даже медведи, но давно уж перевелись. Зато зайцев, белок, лисиц и прочей лесной живности водилось немало. Наведывались и волки. Поздней осенью и зимой они подходили к самой деревне, и в глухие, угрюмые ночи нередко слышался их протяжный, тоскливый вой. Тогда все собаки в деревне забирались под клетки, под избы и оттуда жалобно, боязливо подтягивали.

— Значит, опять окаянные заявились! — ворчал Сергей Иванович, быстро шагая с детьми по тропинке в лес.

В лесу было совсем уже пусто. Весь лист давно облетел, и его прибило дождями к земле. Раза два выпадал даже снег, да потом снова растаял.

Скотину давно не гоняли пастись. Она стояла на скотном дворе. Одни только козы ещё бродили по лесу, обгладывали кустарник.

По дороге Анютка, дочка Сергея Ивановича, рассказывала отцу:

— Пошли мы за хворостом, у деревни-то весь пособрали. Мы и подались к Гнилому болоту. Собираем сушняк. Вдруг слышим — за болотинкой наша коза как закричит, жалобно так! Саня говорит: «Может, козлёнок в яму свалился? Не выберется. Пойдём поможем». Мы и побежали. Минули болотинку, глядим коза нам навстречу бежит, а козлёнка не видно. Мы на поляну, откуда коза бежала, глянули за кусты, а он там, да только мёртвый, весь истерзан, полбока вырвано.

Сергей Иванович слушал, а сам всё ускорял шаги. Аня и Саня еле за ним поспевали.

Быстро дошли до болота, обогнули его. Вот и поляна. На ней ещё издали белели ключья шерсти растерзанного козлёнка.

Сергей Иванович внимательно осмотрел остатки звериного пиршества. Он даже присел на корточки, стараясь разглядеть на земле следы зверя, но их невозможно было заметить среди прибитой дождями к земле жухлой травы.

— Хорошо ещё, что козу не задрал, — наконец проговорил Сергей Иванович. — Должно быть, какой-

нибудь одиночка, случайно забрёл. А если бы выводок — обоих бы прикончили.

Так ни с чем и вернулись домой. Сергей Иванович приказал ребятам пасти козу возле деревни, далеко в лес не пускать.

Первые дни Саня с Анютой точно выполняли наказ отца. Но больше никто не слышал о сером разбойнике. У соседей в деревне тоже были козы, и их сперва попридерживали возле домов, а потом всё пошло по-старому — ребята сторожить бросили, и козы вновь разбрелись по лесу, опять начали уходить к Гнилому болоту, там по закрайку росли кусты тальника — самая вкусная для них еда.

* * *

В деревне уже совсем позабыли о случившемся. И вдруг — опять. Как-то под вечер во двор к соседям Сергея Ивановича примчалась их коза, вся в крови, на боку огромная рана.

Опять побежали в лес, искали, искали, так зверя и не нашли.

Сергей Иванович запер свою козу во двор, совсем не велел пускать пастись.

Собрались деревенские охотники, стали советоваться, как же быть. Это, видно, не случайный зверь, не мимоходом забрёл. Он тут, в лесу, и живёт, никуда не уходит. Жаль, что снег долго не выпадает, тогда живо бы по следу разыскали. Сытый волк далеко от места кормёжки не уходит. Найдёт в лесу уголок поглуше, весь день проспит. Вот тут бы на него и устроить облаву. Но это всё хорошо зимой, по снегу, а если снега нет — пойди разыщи его. Лес велик, чаща да завалы, разве узнаешь, где он улёгся?

Были в деревне собаки-лайки, но для охоты за волком они не годятся. С ними только по белке да по птице ходить. Так и порешили охотники ждать, когда выпадет снег.

Это бы ещё ничего, да вот беда: и за белками теперь в лес с собакой опасно пойти. Убежит лайка далеко от охотника, найдёт белку на дереве, начнёт подлаивать, а серый разбойник уж тут как тут, вмиг подоспеет на собачий лай, сцапает собачонку, задушит — и поминай как звали. Утащит в самую чащу, всю съест, клочка шерсти не сыщешь.

Больше всех загрузил Сергей Иванович. Очень любил он ходить на охоту за белками. И собака у него была самая первая в округе. Звали её Пушок. Бывало, в воскресный день отправятся в лес за белками, каждый охотник со своей лайкой. Разойдутся в разные стороны. Целый день бродят, только к ночи вернутся домой. «Ну, кто больше всех белок добыл?» Конечно, Сергей Иванович. Да, смотришь, ещё глухаря притащил, а то и куницу.

«Цены нет твоему Пушку», — говорили охотники.

Сергей Иванович и сам это хорошо знал.

А вот если со стороны на Пушка поглядеть — невзрачный пёсик, ростом немного побольше кошки, мордочка остренькая, уши торчком, хвост в крутую баранку закручен. Окраской весь белый, только не чисто белый, а с рыжинкой, будто его не то подпалили, не то в грязи вымазали. Нечего сказать, неказистый вид, дворняжка, и только. Зато уж умён. «Ну прямо как человек, — говорил Сергей Иванович, — всё понимает, только сказать не может».

Но Пушок и его хозяин отлично понимали друг друга без всяких слов. Вот и теперь, в субботний вечер, оба, конечно, думали об одном и том же о завтрашнем дне. День обещал быть тихим, сереньким. Самый бы раз за белкой сходить. Холода уже были, и снег выпадал, значит, белка теперь, поди, вылиняла. Шкурка — первый сорт. И ходить в такую пору по лесу легко: одеваться тепло не нужно, надел ватник, сапоги — иди куда вздумается. А вот как наступит зима, навалит снегу по пояс, тогда далеко не уйдёшь; надевай полушубок, валенки да становись на лыжи. Это уж

не ходьба. И собаке по глубокому снегу трудно бегать — белку искать. На что лучше теперь, по чернотропу.

Очень хотелось Сергею Ивановичу пойти завтра в лес на охоту. Хотелось, да боязно: а ну-ка наскочит Пушок на серого? Тот сразу поймает, даже пикнуть не даст.

Пушку, видно, тоже не терпелось отправиться в лес с хозяином. По опыту прежних лет он уже знал: как только наступит осень, тут они и начнут охотиться. Недаром его хозяин сегодня днём осмотрел, почистил ружьё и уложил патроны в охотничью сумку. Заметив эти столь знакомые приготовления, Пушок уже ни на шаг не отходил от Сергея Ивановича, заглядывал ему в глаза, вздыхал, даже слегка повизгивал.

Сели ужинать. Сергей Иванович налил Пушку в миску еды, но пёс к ней даже не притронулся.

— На охоту зовёшь? — сказал Сергей Иванович.

Пёс сразу насторожил уши, радостно взвизгнул и стал тереться мордой о ноги хозяина.

— Вижу, что хочешь, — говорил тот, лаская собаку. — Мне самому пройтись охота, да боязно, как бы тебя волк не сожрал.

Но Пушок не понимал опасений своего хозяина. Ружьё было вычищено, сумка на месте — значит, пора идти, чего ещё ждать?

Так ничего не решив, Сергей Иванович лёг спать. Завтра, мол, будет видно — утро вечера мудреней. А может, ещё к утру завернёт непогода, дождик, снег, чего же гадать заранее? В душе Сергей Иванович даже хотел, чтобы завтра было ненастье. По крайней мере, не захочется идти в лес. А там, глядишь, и снег нападёт. По пороше живо разыщем серого да и прикончим его. Тогда уже без опаски иди в лес за белками.

Но желания Сергея Ивановича не сбылись. Проснулся он на рассвете. Вернее, его разбудил Пушок. Пёсик стал на задние лапы и лизнул руку хозяину своим мягким влажным язычком. Вставай, мол, уже светает.

— Ох ты, неугомонный! — добродушно проворчал Сергей Иванович, поднимаясь с кровати.

Пушок, виляя хвостом, подбежал к двери. Сергей Иванович последовал за ним, вышел на крыльцо. Его так и обдало бодрящей осенней свежестью, приятным запахом опавшей листвы. День обещал быть тихим, мгlistым. Хороший денёк для охоты! Сергей Иванович сошёл по сырým деревянным ступенькам во двор. Прошёл до калитки. Уже как следует рассвело.

За калиткой в туманном свете осеннего утра виднелся лес, весь облетевший, хмурый, но такой манящий для сердца охотника.

Сергей Иванович живо представил себе, как звонко раздаётся в голом лесу радостный лай Пушка, когда тот разыщет белку. Охотник уже видел и самого зверька в серой нарядной шубке. Вот он сидит на еловом суку, вздёргивает пушистым хвостом и сердито цокает на собаку!.. И ведь всё это так просто увидеть не только в воображении, но наяву, — стоит взять сумку, ружьё и пойти в лес. «А если волк? Потерять верного друга... Но почему же волк обязательно наткнётся на Пушка? Может, он уже далеко отсюда и след давно простыл?..»

Видя, что хозяин колеблется, не берёт почему-то ружья, не идёт в лес, Пушок постарался как мог подбодрить его. Он начал прыгать возле него, лизать руки и, приложив уши, умильно глядел прямо в лицо своими чёрными, удивительно умными и преданными глазами. Казалось, вот-вот скажет: «Пойдём на охоту. Мне очень хочется».

— Так ведь тебя же жалею, — отвечал ему Сергей Иванович, будто Пушок и вправду разговаривал с

ним. — Боюсь, что на волка наскочишь, задерёт, что тогда? Как же я без тебя останусь? Места себе не найду.

Но Пушок это понял по-своему, по-собачьему. Хозяин с ним говорит так ласково, — значит, всё хорошо, значит, они сейчас пойдут на охоту. Пёс даже взвизгнул от радости и, приложив уши, пронёсся вокруг хозяина и снова присел в ожидании.

— Что ж с тобой поделаешь? — развёл Сергей Иванович руками. — Ну, уж пойдём, куда ни шло. Только смотри далеко от меня не удирай.

Стараясь больше ни о чём не раздумывать, Сергей Иванович быстро вернулся в дом, надел ватник, взял ружьё, сумку с патронами и отправился на охоту.

* * *

Поздняя осень в лесу. Какая пора может быть более грустной и более милой для человека, привыкшего бродить с ружьём по глухим, давно не хоженным тропам!

Сергей Иванович шёл по узенькой тропке, по мягким преющим листьям.

Кругом росли невысокие деревца — осины, берёзки. Их тонкие ветви были совсем голые, без единого листика. Только на молодых дубках ещё прочно держалась обмокшая от ночного тумана листва, тёмно-рыжая, как шкура лисицы.

Птиц совсем не было слышно. Осенний лес притих.

Но вот где-то вдали пронзительно закричала сойка, и снова всё смолкло.

Пушок умчался куда-то в лес. Сергей Иванович знал: теперь он рыскает между деревьями, принюхивается к влажной земле, ищет желанный беличий след.

«Только бы не удрал слишком далеко», — тревожно думал охотник. Но где-то там, в глубине души, он отлично знал: случись беда, близко ли, далеко ли — помочь всё равно не успеешь. Куда же такому клопу с волком тягаться? Схватит его, утащит в чащу — и конец.

Вдруг Сергей Иванович даже вздрогнул от неожиданности. Громкий собачий лай будто встряхнул тишину осеннего леса. Это лаял Пушок. Значит, нашёл кого-то. Наверное, белку.

Сергей Иванович поспешил на голос собаки. Он начал проворно пробираться между деревьями и кустами. Идти было легко. Раздвигая сучья и бесшумно ступая по влажной земле, охотник быстро добрался до места. Ещё издали он заметил Пушка. Тот сидел под старой сосной и, подняв кверху голову, изредка взлаивал.

Сергей Иванович взглянул на вершину сосны.

Огромный глухарь, растопырив крылья и опустив вниз бородатую голову, сердито смотрел на собаку и забавно похрюкивал на неё. Этот «лесной индюк» походил на какую-то разлатую тёмно-бурую коряжину. Весь он был такой взъерошенный, очень большой и нелепый с виду.

Но охотнику некогда разглядывать. Глухарь — не белка, он осторожен. Чуть оплошаешь — заметит и улетит.

«Молодец Пушок! — подумал Сергей Иванович. — Ишь как деликатно подлаивает, не прыгает, не кидается на дерево, будто знает, что с глухарём нужно быть поспокойней, иначе спугнёшь».

Стараясь остаться незамеченным, Сергей Иванович крадучись передвигался от дерева к дереву. Вот теперь дичь не далее тридцати сорока шагов, значит, можно стрелять. Дождавшись минуты, когда глухарь, увлёкшись собакой, засмотрелся вниз, Сергей Иванович поднял к плечу ружьё, прицелился и спустил курок.

Выстрел гулко прокатился по осеннему лесу. Огромная птица сорвалась с дерева и, стучаясь о сучья, падала вниз. Пушок завизжал от радости, даже привстал на задние лапы. Мёртвый глухарь тяжело шлёпнулся на влажную землю. Пёс подскочил к нему, но не стал трепать, а только с наслаждением начал всего обнюхивать, глубоко засовывая свой чёрный нос в растрёпанные перья птицы.

Сергей Иванович подошёл, поднял глухаря. «Ого! Ну и здоров килограмма четыре потянет». Положил птицу в заплечный мешок.

— Умница, пёсик, хорошую дичь нашёл. Поищи-ка ещё, — похвалил Сергей Иванович своего друга и потрепал его по спине.

Тот долго не стал вертеться возле хозяина. Охота — дело серьёзное, некогда пустяками заниматься. Опять скрылся в лесу.

Не прошло и получаса, как пёс облаял белку, потом вторую, третью... И, будто в награду за его старания, все зверьки сидели на открытых ветвях, а не забивались в густые ёлки.

Сергею Ивановичу не приходилось их долго высматривать или стучать по дереву топором, чтобы выпугнуть белку из её укрытия.

— Ну, Пушок, везёт нам с тобой, — весело говорил Сергей Иванович, запрятывая в мешок очередного зверька.

Увлёкшись охотой, Сергей Иванович и сам не заметил, как по старой привычке, углубившись в лес, он свернул в сторону Гнилого болота. Там всегда в прошлые годы попадались белки, а то и куницы. Слушая, не залает ли где Пушок, охотник тихонько шёл по дорожке.

«Кажется, взвизгнул. — Сергей Иванович приостановился. — Сейчас залает».

Но вместо лая вновь послышался такой же визг. Он пронёсся по лесу отчаянным воплем, как бы мольбой о помощи.

Не помня себя, Сергей Иванович бросился на выручку другу.

Голос Пушка всё удалялся. Видно, он удирал от нападавшего зверя, неистово лая и взвизгивая.

— Пушок, ко мне! — кричал Сергей Иванович, но голос совсем пропал.

От волнения он даже забыл, что в руках у него ружьё. Выстрелить бы, может, и отпугнёшь этим злодея. Но вместо этого охотник как безумный нёсся через болото, хрипло маня к себе своего дружка.

«Жив, жив ещё, лает! Может, успею!» — проносились в голове обрывки мыслей.

Вдруг Сергей Иванович зацепился ногой за корень и со всего маху полетел лицом прямо в кусты. Он упал и, не чувствуя боли, опять вскочил, хотел бежать.

Но голос Пушка умолк. Значит, конец.

Сергей Иванович дико оглядывался по сторонам. Кругом болото, кочки, чахлые, полумёртвые сосенки. И здесь, где-то уже совсем недалеко, в последний раз взвизгнул Пушок.

Что это? Снова раздался визг и громкий лай.

Сергей Иванович рванулся вперёд, но тут же остановился. «Постой, да ведь Пушок не только визжит, он лает, и, кажется, на одном месте. Значит, никто его не преследует, не душит, значит, он сам за кем-то гнался с визгом и лаем».

Сергей Иванович даже рассмеялся от радости: «Вот это здорово!»

Однако радость тут же сменилась досадой. Но кого же тогда преследовал пёс? Конечно, лося. А на лосей охота запрещена. Сколько Сергей Иванович потерял времени, сил и трудов, чтобы отучить Пушка за ними гоняться, и вот непослушный пёс опять принялся за своё. Наверно, за лето забыл всю науку.

— Ну погоди, я тебе припомню! — проворчал Сергей Иванович.

В тайне души он был рассержен не столько поступком Пушка, сколько своей оплошностью: не разобрал, в чём дело, бежал куда-то, весь изодрался, весь в крови, а ещё старый охотник!

Успокоившись и отдышавшись, Сергей Иванович прислушался. «Так и есть, лает и взвизгивает на одном месте. Вон там, за болотом, на поляне. Значит, остановил лося и вертится возле него! — Сергей Иванович вынул из кармана перочинный ножик и срезал длинный прут. — Подожди, дружок, я тебя сейчас проучу. Живо у меня всю науку вспомнишь!»

Перейдя болото, Сергей Иванович выбрался наконец из густых зарослей на чистое место. Вот и поляна.

Ещё издали заметил Пушка. «А где же лось? Никакого лося и нет. Злобно взвизгивая и лая до хрипоты, Пушок носился вокруг старого дуба.

Сергей Иванович глянул на дуб. На суку, растянувшись, лежала огромная дикая кошка — рысь.

Даже ружьё затряслось в руках у охотника. Хочет раскрыть его, заложить другие патроны, с крупной дробью, а руки дрожат, не слушаются.

Как же теперь подойти, чтобы зверь не заметил? А то ещё спрыгнет и удерёт.

Сергей Иванович стал обходить так, чтобы зайти к рыси сзади. Нечаянно наступил на сучок. Тот громко хрустнул. Но рысь, следя за собакой, даже и не заметила, не обернулась.

Зато Пушок сразу глянул в сторону, приметил хозяина. И вот ведь какая умница — не стал больше носиться вокруг дерева, а сел прямо перед мордой зверя и давай лаять: «Смотри-ка, мол, на меня».

Сергей Иванович быстро подкрался. Теперь не уйдёт, только стрелять нужно наверняка, чтобы сразу наповал. А то, если ранишь, упадёт, с собакой сцепится, может когтями глаз вырвать.

Грохнул выстрел. Не копнувшись, упала с дерева огромная дикая кошка. С остервенением бросился на неё Пушок, вцепился в шею, начал трепать. Разом всю охотничью науку забыл.

Но Сергей Иванович не рассердился на старого друга — где тут сердиться? Сам подскочил к убитому зверю, еле поднял его.

Насилу успокоились оба — охотник и пёс. Стали рассматривать редкостную добычу. И тут вдруг Сергей Иванович вспомнил о растерзанном зверем козлёнке. «Вот ведь кто, а совсем не волк разбойничал здесь в лесу!»

Сергей Иванович взвалил на плечи тяжёлого зверя и направился прямо к дому.

— Молодец, Пушок! — ласково сказал он. — Выследил, брат, лесного разбойника. Теперь куда хошь без опаски ходить можно.